

УДК 378:001.891

О СУДЬБЕ КАЗАНСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

(продолжение)

*М.А.Усманов, академик АН РТ,
доктор исторических наук, профессор*

Реальные перемены

События середины 1980 – начала 1990-х гг. оказались в целом неожиданными по времени и скоротечности для населения как СССР, так и некоторых зарубежных стран. Если сравнительно молодая часть населения восприняла «перестройку» М.С.Горбачева с восторгом, надеждой на изменения общей обстановки в лучшую сторону, то другая часть его, как известно, относилась настороженно, опасаясь утраты устоявшегося, привычного. Были, естественно, и явные противники. В научной среде были представлены все эти тенденции.

Сложный процесс демократизации общественной жизни еще более усугублялся проблемами социальных преобразований, развитием, переплетением с ними национально-освободительного движения, устремлением к раскрепощению умов в сферах свободы совести, духовности и религиозных убеждений. Все это нашло свое отражение в бурном развитии публицистической мысли, которая способствовала осознанию необходимости преобразований и в сфере научно-общественной жизни, в том числе в закостенелой структуре высших учебных заведений. Университеты получили некоторые элементы автономии: право выбора ректора, создание новых структур без согласования с Москвой и т.д. В этой ситуации в КГУ вновь актуализировался вопрос о возрождении традиции востоковедения.

Ректор университета, доктор химических наук, профессор А.И.Коновалов, сменивший в 1979 г. математика М.Т.Нужина, поручил мне (с октября 1985 г. я работал проректором, в 1990 г. исполнял обязанности ректора) изучить и подготовить вопрос для его обсуждения на совете университета. В январе 1986 г. совет, прослушав доклад о результатах археографических поисков по сбору восточных рукописей и оценив значение накопленного материала, принял решение о создании специальной археографической группы, которая в начале 1988 г. была преобразована в «Научно-исследовательскую археографическую лабораторию (НИАЛ)»⁶⁷. Она должна была заниматься собиранием, изучением, описанием рукописных памятников и созданием библиографических справочников-указателей для дореволюционной арабографической, а следовательно, редкой и малодоступной современным молодым исследователям татарской периодической печати⁶⁸.

Укреплению позиции коллектива НИАЛ способствовал выход в 1988 г. солидного сборника документов 70-х гг. 18 столетия, в котором ценные в историческом и лингвистическом отношении материалы на старотатарском языке опубликованы арабографически в оригинале с соответствующими переводами и комментариями⁶⁹. Этот коллективный труд, осуществленный с участием ученых из других научных учреждений, был отмечен в университете высокой наградой.

Одним словом, эти организационные мероприятия, а также качество научной продукции были фактически первыми реальными шагами в сторону осуществления подлинных намерений университета. Пришлось проводить систематические совещания с ведущими профессорами КГУ. Особенно активно обсуждали и поддерживали идею возрождения востоковедения естественники и юристы⁷⁰. Учитывая отсутствие или крайнюю малочисленность педагогических кадров с широким базовым востоковедческим образованием, а также традиционный опыт становления востоковедения в России в прошлом, пришли к выводу, что правильнее будет начинать дело с создания тюркологического, точнее татароведческого, подразделения с расчетом в дальнейшем выделить из него востоковедов других направлений. На основе постановления совета университета, принятого единогласно (что бывает редко) 23 марта 1989 г., был издан приказ об открытии с 1 июня того же года на базе отделения татарской филологии нового факультета – факультета татарской филологии, истории и восточных языков (кратко – татфилфак, татфак)⁷¹. Кроме существовавших на отделении двух кафедр – татарского языка и татарской литературы – были открыты три новые кафедры: 1) методики преподавания языка и литературы (заведующий проф. Т.Н.Галиуллин, он же декан), 2) истории татарского народа (проф. – М.А.Усманов) и 3) восточных языков (проф. Д.Г.Тумашева)⁷².

В дальнейшем из-за распада СССР и сильного осложнения финансового состояния университета резко сократились реальные возможности интенсивно продолжать начатое дело. В некоторых сферах даже приходилось отступать от достигнутого. Например, состав НИАЛ, на рубеже 1980–1990-х гг. насчитывавший одиннадцать сотрудников, к середине девяностых был сокращен до двух штатных научных единиц. Однако все же некоторое движение продолжалось: ежегодно

осуществлялся небольшой набор студентов, преподавались арабский, турецкий языки; впервые в истории университета в советский период из КНР была приглашена семья преподавателей китайского языка (1990 г.) и т.д.

Возможность вернуться к вопросу появилась лишь во второй половине 1990-х гг. совет университета 26 июня 1997 г., «обсудив доклад заведующего кафедрой истории татарского народа профессора М.А.Усманова и содоклад заведующего кафедрой восточных языков доцента Г.Г.Зайнуллина», постановил: «Считать целесообразным возрождение и развитие в КГУ традиционной ориенталистики со следующими направлениями:

- Ближний и Средний Восток (арабистика, иранистика, тюркология);
- страны Дальнего Востока (синология, корееведение и др.)»⁷³.

Таким образом, исходя из реальной кадровой возможности на базе кафедры восточных языков и частично кафедры истории татарского народа татфилфака в 1997 г. был создан Институт востоковедения (ИВ) Казанского государственного университета. Директором его стал арабист Г.Г.Зайнуллин, выпускник Ташкентского университета, имевший опыт работы в арабских странах.

В составе института в настоящее время функционируют четыре кафедры: восточных языков (заведующий – проф. Г.Г.Зайнуллин), тюркологии (доцент А.Р.Рахимова), истории и экономики стран Востока (проф. Р.М.Валеев) и международных отношений (проф. Я.Я. Гришин)⁷⁴. В институте готовят специалистов по следующим направлениям: а) арабский язык и литература, английский язык, б) турецкий язык и литература, английский язык, в) корейский язык и литература, английский язык, г) китайский язык и литература, е) востоковедение и африканистика, ф) международные отношения. Кроме того, в качестве второго языка преподаются персидский, таджикский языки, а также иврит. Основное внимание на

современном этапе уделяется филологическому началу обучения, публикации методических и учебных пособий по специальностям, что является вполне закономерным. Начали появляться востоковедческие научные публикации⁷⁵.

Можно надеяться, что деятельность ИВ в будущем станет более многообразной и в научном плане больше соответствующей своему назначению.

Разработку отдельных востоковедческих проблем в рамках местной истории продолжают сотрудники кафедры истории татарского народа. Из опубликованных в последние годы работ назову, прежде всего, монографии доцента А.Х.Махмутовой⁷⁶, которая сумела рельефно показать яркую историю эмансипации татарской мусульманской женщины в конце 19 – начале 20 вв. Данная проблема весьма интересна тем, что из российских мусульман именно среди татар начался процесс раскрепощения женщин; из их среды выходили видные общественные деятели, крупные учителя-педагоги, литераторы, журналисты, актрисы, оказавшие влияние на становление и развитие светского просвещения, периодической печати, театрального искусства не только у самих татар, но и среди других мусульманских народов империи. Чего стоит, например, такой уникальный факт, что Мухлиса Буби-Нигматуллина (1869–1937) в течение двадцати лет состояла членом Духовного управления мусульман России и была первой (вообще единственной в мусульманском мире) женщиной, ставшей шариатским судьей – казы (кади). В 1937 г. Мухлиса была замучена и казнена в подвалах НКВД г.Уфы.

На базе кафедры истории татарского народа совместно с сотрудниками ИИ имени Ш.Марджани в июне 1998 г. удалось организовать и провести международный научный семинар, посвященный проблемам изучения источников по истории Золотой Орды. В его работе наравне с историками из Казани, Москвы, Петербурга и дру-

гих городов России приняли участие более десяти ученых-медиевистов из зарубежных стран. Участники семинара отметили слабоосвоенные аспекты источниковедения истории этого государства и констатировали малочисленность компетентных молодых специалистов в этой области⁷⁷.

Проведение в Казани такого крупного международного форума по истории Золотой Орды стало возможным при общей готовности научного сообщества радикально пересмотреть официальную интерпретацию, навязанную одиозным постановлением 1944 г. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1990-х гг. стали систематически появляться более или менее нормальные по духу и преимущественно научно-популярные публикации по истории Улуса Джучи (Золотой Орды). Стало налаживаться и преподавание истории этого государства в отдельных высших учебных заведениях. Наиболее результативным и ярким проявлением этого процесса следует считать организацию в 2000 г. в Казани богато оснащенной и содержательной выставки под названием «Сокровища Золотой Орды» (организаторы – Государственный Эрмитаж из Санкт-Петербурга и Государственный исторический музей из Москвы, при активном содействии официальных властей Республики Татарстан). Был опубликован подготовленный научными сотрудниками Эрмитажа роскошный альбом-каталог на трех языках⁷⁸, в котором помещена вводная статья автора этих строк⁷⁹.

В результате такого изменения отношения к феномену Золотой Орды активизировалось приобщение нового поколения исследователей к этой проблематике. Например, недавно молодыми сотрудниками кафедры (Л.Абзалов, М.Гатин, при участии А.Г.Юрченко из Петербурга) был подготовлен и издан солидный свод всех доступных в России источников о начальном периоде истории Золотой Орды⁸⁰. Остается надеяться, что работа в этом направлении будет продолжена

публикациями материалов по другим периодам истории империи Джучидов, оказавшей влияние на судьбу многих народов Евразии.

В перестроечный и постперестроечный периоды стало возможным реальное сотрудничество с коллегами из зарубежных стран. Автору этих строк совместно с востоковедами из США, Германии и Венгрии (Аллен Франк, Михаэль Кемпер, Мария Иванич) удалось опубликовать татарские оригиналы и их переводы на один из западных языков тексты письменных памятников⁸¹ и статьи на различные темы⁸². В рамках проекта «Мусульманская культура в России и Центральной Азии 18 – нач. 20 вв.» увидели свет статьи И.А. Гилязова⁸³, З.С. Миннуллина⁸⁴, Д.М. Усмановой⁸⁵, посвященные актуальным, но малоосвещенным проблемам.

В постперестроечный период в Казани оживились и филологические исследования. В начале 1990-х гг. как крупный результат многолетней научно-исследовательской деятельности филологов академического института (ИЯЛИ) были осуществлены и завершены фундаментальные издания по истории татарской литературы (в шести томах)⁸⁶ и свода фольклорных памятников (в двенадцати книгах)⁸⁷, в целом сохранившие методические особенности научных трудов уходящей эпохи. Начиная со второй половины 1980-х гг. в исследованиях и публикациях филологов из названного института, а также университетских ученых нашли отражение обновленческие идеи перестроечных времен. В области филологии появился ряд исследований и публикаций, более объективных по интерпретации. В качестве примера следует назвать издания поэтических текстов времен Золотой Орды, Казанского ханства и некоторых более поздних памятников, а также исследования по литературе, фольклористике, лингвистике, генеалогии, топонимике, принадлежащие перу литературоведов Х.Ю. Миннегулова⁸⁸, Н.Ш. Хисамова⁸⁹, Р.Ф. Исламова⁹⁰, А.Т. Сибгатуллиной⁹¹,

фольклористов Ф.И. Урманчеева⁹², М.Х. Бакирова⁹³, Л. Ибрагимовой⁹⁴; лингвистов Ф.М. Хисамовой⁹⁵, Ф.Ш. Нуриевой⁹⁶, И.Б. Башировой⁹⁷, М.И. Ахметзянова⁹⁸, Ф.Г. Гариповой⁹⁹ и др.

Все это свидетельствует о заметном оживлении тюрколого-филологических разработок в Казани во время и после перестройки. Из этих достижений наиболее существенным и принципиальным был факт возвращения в духовно-культурную действительность запрещенного и выпавшего из научного оборота с 1944 г. известного эпоса «Идегей». Татарская версия и русский перевод его, наконец, были возвращены читателям¹⁰⁰. Он стал доступен широкому кругу читателей также в других публикациях¹⁰¹, не только в Казани, но и за рубежом, например, опубликованы татарский оригинал и турецкий его перевод¹⁰².

Достоинны внимания работы историко-филологического характера, находящиеся как бы на стыках двух или нескольких научных дисциплин, например, по археографии, текстологии, источниковедению, историографии, эпиграфике и т.д. О фундаментальном описании А.А. Арслановой персидских рукописей из университетской коллекции, получившем высокую награду, уже было сказано. Это направление дополняется трудами С.М. Гилязутдинова¹⁰³. Появились качественные публикации по текстологии литературных, фольклорных, а также эпиграфических памятников, осуществленные сотрудниками ИБ РТ Р.Ф. Мардановым¹⁰⁴, И.Г. Хадиевым¹⁰⁵. При этом отметим следующее. Если в прежние времена в центре внимания находились лишь древние эпитафийные памятники, то в последние годы проявляется интерес к эпитафиям 17–18 и 19 столетий¹⁰⁶, что способствует более расширенному и углубленному осмыслению источникового значения эпиграфических текстов.

Новым начинанием является исследование Р.Сафиуллиной¹⁰⁷, которая

выясняет место и значение арабской книги в жизни татар в прошлом, когда арабская книга в быту населения занимала по количеству второе место после тюркоязычных и собственно татарских книг¹⁰⁸.

В эти годы некоторые авторы стали пересматривать свои прежние позиции с учетом потребностей обновляющегося общества. К числу таких относится, например, Я.Г.Абдуллин (1920–2006), попытавшийся по-новому трактовать факты и явления истории¹⁰⁹. Арабист М.Х.Юсупов, автор первой изданной в советское время (1981 г.) монографии о Ш.Марджани в 2005 г., опубликовал ее переработанный вариант. Однако он почему-то не посчитал нужным даже упомянуть о первом издании своего труда. Безусловный интерес представляет его книга о Галимджане Баруди, творчество и деятельность которого изучены слабо¹¹⁰. Филолог Ш.Абилов постарался заново опубликовать по сравнению с ранними, им же изданными, версиями полные тексты поэтических произведений поэта-мыслителя периода Казанского ханства Мухаммадьяра¹¹¹. Характерно, что тенденция пересмотреть старые позиции способствовала изучению наследия и других ранних авторов, например, времен Казанского ханства, имена которых в советское время вообще игнорировались. Был издан сборник материалов под редакцией М.И.Ахметзянова, отражающий деятельность и творчество крупного политика и поэта 16 в. Кул Шарифа на фоне бурных событий той эпохи¹¹².

Положительным фактом является также то, что продолжают предприниматься попытки возвращения добрых имен и научного наследия репрессированных в прошлом ученых. Наиболее существенным, но все же достаточно запоздалым примером является возрождение изучения трудов Дж.Валиди (1887–1932), имя и исследования которого в свое время были преданы полному забвению и игнорированию. Наконец-то опубликованы избранные

труды этого замечательного лингвиста¹¹³. Особенности его многогранной деятельности и богатейшего творческого наследия частично были отражены и в материалах республиканской научной конференции, посвященной 120-летию ученого¹¹⁴. Надеемся, будут представлены также исследования специалистов по истории культуры и литературоведов.

Большую активность в эти годы проявляли историки Института истории имени Ш.Марджани, опубликовавшие свои серьезные исследования, в которых постепенно и заметно возрастал удельный вес востоковедческого компонента и не только тематически, но и методически, а также по источниковой базе. Из них следует назвать, прежде всего, работы ираниста А.А.Арслановой¹¹⁵, тюркологов-историков Д.М.Давлетшина¹¹⁶, И.К.Загидуллина¹¹⁷, И.Л.Измайлова¹¹⁸, Д.М.Исхакова¹¹⁹, а также молодых исследователей Л.Ф.Байбулатовой¹²⁰, Б.Л.Хамидуллина¹²¹ и др.

Характерные изменения произошли в последние годы в содержании и стиле интерпретации словарей, справочных пособий, посвященных религиям в целом, исламу в частности, подготовленных и изданных под редакцией Р.А.Набиева. Они стали существенно отличаться по духу изложения и историчности интерпретации явлений, событий от аналогичных публикаций советского периода¹²².

Стремление объективно освещать историю некоторых малоосмысленных явлений из духовной жизни татар в 19 – начале 20 вв. находит отражение в отдельных статьях и монографических исследованиях Р.К.Валева. В них автор открывает новые страницы из истории так называемого ваисовского движения – своеобразно сложного социально-общественного по содержанию и религиозного по форме явления, искаженно интерпретированного в прошлом как в старой России, так и в советское время¹²³.

Эти и другие проблемы в более сложном контексте рассматриваются в

ряде монографий Д.М.Усмановой. Например, в основанных на богатом историческом материале исследованиях всесторонне освещаются особенности религиозной политики царизма, место мусульманского и регионального компонентов в краткой истории парламентаризма Российской империи¹²⁴. Особого внимания достойна монография, посвященная проблемам зарождения и развития ваисовского движения¹²⁵. Огромное количество документальных первоисточников, впервые выявленных и опубликованных автором в приложениях¹²⁶, придают монографии фундаментальный характер.

В недалеком прошлом, как известно, почти не изучались в качестве самостоятельной научной темы проблемы общественно-политической истории, национально-освободительного движения, духовно-культурных интересов тюркских народов в целом. Если их невозможно было обойти, то они освещались однобоко, поверхностно, причем как враждебный другим народам и этносам процесс. В книгах Р.Ф.Мухаметдинова предприняты попытки рассматривать отдельные аспекты этой сложной, противоречивой исторической проблемы¹²⁷.

Как показывают материалы этого обзора, филологи и историки Казани стали более активно приобщаться к востоковедческой тематике, привлекая источниковый материал и методики. В целом в рамках изучения истории и культуры татар начинает происходить практическое возрождение отдельных разделов научной ориенталистики, вернее идет процесс ее постепенного и целенаправленного становления по конкретным направлениям.

Действуя совместно

Одним из принципиальных мероприятий в деле возрождения научной ориенталистики в Казани, как видно из вышеизложенного материала, было создание факультета татарской филологии, истории и восточных языков,

на базе которого стала возможной организация Института востоковедения (ИВ) Казанского государственного университета. Институт этот, сразу начав преподавание ряда восточных языков, постепенно налаживает организованную и планомерную подготовку молодых кадров – востоковедов, владеющих различными языками.

Естественно, ИВ как любое молодое подразделение, начавшее свою деятельность почти на пустом месте, испытывает определенные организационные трудности, обусловленные, прежде всего, недостаточностью кадров с базовым востоковедческим образованием. Однако, надеемся, что эти трудности со временем будут преодолены.

Почти одновременно с этим крупным событием в последние годы в Казани происходили и другие важные организационные мероприятия в научных учреждениях. Например, в 1997 г. на базе прежних отделений истории, археологии и этнографии из состава Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) имени Г.Ибрагимова АН (до распада Советского Союза – институт в составе Казанского филиала АН СССР) был создан самостоятельный Институт истории (ИИ) АН РТ, сыгравший, как увидим далее, значительную роль в разработках востоковедческих проблем в Казани.

В 1998 г. в Казани был открыт Российский исламский университет (РИУ), призванный готовить новое поколение мусульманских религиозных деятелей и знатоков истории, культуры исламских стран, в чем была острая потребность. Предполагалось, что это высшее учебное заведение должно обеспечивать грамотными служащими культу и удовлетворять религиозные потребности общества не только Татарстана, но и других регионов РФ, также (как предполагали тогда) СНГ. Одновременно выпускники его должны были способствовать развитию исламоведческих научных знаний. Следует лишь заметить, что становление

этого университета было нелегким делом.

Преподавание некоторых восточных языков в качестве второго языка практикуется также в педагогическом университете, который преобразован в Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет (ТГГПУ), что, безусловно, будет способствовать пропаганде востоковедческих знаний.

Что касается образования самостоятельного Института истории, то оно имеет своеобразную историю, связанную с расколом в ИЯЛИ. Раскол этот был вызван конфликтами между некоторыми учеными, прежде всего историками, с одной стороны, и руководством института, с другой. Причиной конфликта были консервативность и догматичность руководства, которое в области истории и филологии продолжало мыслить и действовать в духе постановления ЦК ВКП(б) 1944 г. По-новому мыслящее поколение ученых старалось освещать прошлое народа, а также лингвистические явления на основе независимых от политики первоисточников. Начальство же стремилось всячески препятствовать таким устремлениям, пытаясь свести изучение истории татар лишь к бесконечному «решению», точнее муссированию, одних и тех же вопросов этногенеза в духе упомянутого постановления. Тем самым преуменьшалось бы в истории народа значение монгольского периода, а следовательно, и влияния эпохи Золотой Орды, длившейся почти три столетия. Директор Института лингвист М.З.Закиев в последние десятилетия увлекся и занимался сугубо историко-этногенетическими проблемами¹²⁸, то есть происхождением татар. Он требовал от других сотрудников Института – как историков, так и филологов – проводить свои исследования в соответствии со своими взглядами. Его концепция, прежде всего, основывалась на археолингвистических упражнениях, часто находящихся, к сожалению, на уровне народной

этимологии. Настойчивость директора подчинить своей воле сотрудников института приводили к тому, что некоторые филологи были вынуждены искать работу в других научных учреждениях города (Ф.С.Хакимянов), даже вне Казани (Р.Г.Ахметьянов). Именно эти обстоятельства привели к бунту историков, что закончилось расколом Института, то есть к выходу историков из его состава. Такова вкратце история образования в 1997 г. самостоятельного Института истории (ИИ) АН РТ, получившего в дальнейшем дополнительный атрибут в своем названии – ИИ имени Ш.Марджани.

Сотрудники ИЯЛИ¹²⁹ традиционными тюркологическими методами продолжают изучать литературоведческие, лингвистические, фольклороведческие и искусствоведческие проблемы. Результаты их деятельности, имеющие бесспорно научное значение, были представлены выше. Здесь же хотелось бы отдельно отметить как теоретическую, так и практическую ценность фундаментальных лексикографических трудов, подготовленных и изданных преимущественно под руководством проф.Ф.А.Ганиева большим коллективом Института. В этих капитальных словарях (а также в их популярных, «школьных», версиях) достаточно полно и качественнее чем прежде зафиксирован, интерпретирован словарный запас современного татарского литературного и разговорного языка¹³⁰.

В ИИ имени Ш.Марджани (его директором с самого начала был назначен, затем избран по конкурсу известный общественный деятель, политолог, кандидат философских наук Р.С.Хакимов) сразу были проведены некоторые преобразования в части улучшения структуры учреждения. Например, в 1997 г. прежний, традиционный для советской действительности «отдел общественной мысли» был преобразован в «Отдел общественной мысли и исламоведения». Несколько позднее были созданы центры иссле-

дования золотоордынской цивилизации (2006) и иранистики (2007).

Естественно, сотрудники института продолжают вести археологические, этнографические исследования и создают труды по общей гражданской истории народа. В качестве наиболее существенных примеров следует назвать, прежде всего, фундаментальные, сопровождаемые богатейшим фактическим материалом альбомы-атласы по исторической географии и демографии северо-западной Евразии, в том числе данными по бытовой этнографии и расселению татарского народа¹³¹. В этих энциклопедического характера капитальных изданиях прошлое народов Среднего Поволжья и Приуралья освещается на широком историко-географическом фоне, а не в рамках «частных квартир», искусственно созданных, точнее, навязанных в сталинские времена, мало соответствующих исторической действительности прошлых эпох.

Такая же фундаментальность и широта охвата характерна для проекта, посвященного истории татарского народа с древнейших времен. Первые тома его уже увидели свет¹³². В осуществлении этих капитальных проектов, включая вышеназванные атласы, наравне с сотрудниками Института истории им.Ш.Марджани и Казанского университета активное участие принимали и принимают компетентные специалисты как из многих городов Российской Федерации (Москвы, Петербурга, Астрахани, Елабуги, Ижевска, Махачкалы, Новосибирска, Пензы, Перьми, Самары и т.д.), так и ориенталисты из зарубежных стран, например, из Болгарии, Венгрии, Германии, Казахстана, США, Турции и т.д. В результате эти своеобразные по широте, всесторонности исследования становятся плодом коллективного интернационального сотрудничества, позволяющего оценивать явления и события прошлого не только «изнутри», но и «извне». При таком международном сотрудничестве осуществляется

своеобразное сравнительно-сопоставительное (хотя бы в скрытой форме) освещение объектов исследования, что может не соответствовать привычным для многих прежним, то есть советским схемам и представлениям при интерпретации истории нерусских народов. Это во-первых.

Во-вторых, такой широкий охват не предполагает сведения истории огромного региона к прошлому лишь одного народа, то есть не преследует цель узко-этнической «национализации». Это результат попытки рассматривать историю своих древних предков, возможно, их отдельных компонентов, во взаимосвязи с судьбами других древних народов региона, с которыми они имели различные формы контактов, оказавших влияние на их быт и дальнейший этнический облик. Иначе говоря, речь идет о стремлении осмыслить глубокие корни своего народа в широкой взаимосвязи, а не изолированно, тем более в противопоставлении их к другим племенам и этносам древности, как это стало модно в национальной истории нового и новейшего времен. Такой широкий подход к проблеме, наконец, продиктован тем, что по ряду объективных причин история современных татар оказалась значительно **шире**, чем, скажем, история одного древнего народа, например, болгар. Но она в дальнейшем несколько «сузилась», точнее конкретизировалась и стала **уже**, чем история народов времен Золотой Орды в целом.

Из названных специальных подразделений ИИ активно функционирует Центр исследования золотоордынской цивилизации, успевший осуществить ряд небольших по объему, но любопытных по содержанию публикаций. Среди них представлены как труды сотрудников самого центра, так и работы коллег по интересам¹³³; переиздана центром часть ценного, ныне редкого нумизматического каталога А.К. Маркова, опубликованного в 1896 г.¹³⁴

В разработке востоковедческих тем, осуществлении подобных публикаций

принимают участие сотрудники и других научно-учебных заведений города Казани. Например, представляют безусловный интерес публикации сотрудников Национального музея РТ¹³⁵, Казанского университета культуры и искусства¹³⁶, Татарского гуманитарно-педагогического университета (ТГГ-ПУ)¹³⁷. При этом считаю необходимым отметить труды профессора последнего учебного заведения А.Н.Юзеева, который, будучи выпускником Ленинградского (Петербургского) университета, следовательно, имея соответствующее уровню этого вуза образование по арабистике, осуществил ряд интересных, порой вызывающих споры востоковедческих исследований по истории общественной и философской мысли татар 18–19 столетий, иногда выходя за пределы этого периода¹³⁸.

Наконец, следует специально отметить, что Институтом энциклопедии АН РТ (директор М.Х.Хасанов) были изданы энциклопедические словари на двух языках, а также ведется планомерное издание многотомной Татарской энциклопедии, на страницах которой в соответствующих статьях находят отражение ориентальные сюжеты в рамках истории и культуры народа, региона¹³⁹.

В публикации востоковедческих материалов и исследований принимают также участие отдельные ненаучные (по статусу) организации. К ним, например, можно отнести коммерческое предприятие – издательство «Иман», функционирующее с 1991 г. и специализирующееся на издании всевозможных религиозных пособий, призванных обслуживать религиозно-обрядовые потребности современного мусульманского населения региона¹⁴⁰. Согласно рукописному каталогу-справке, оно с 1991 по 2008 г. осуществило на татарском языке 500 (!), на русском более 400 (!) публикаций, включая десятки повторных (видимо, из-за спроса) изданий одних и тех же текстов. Тематика их чрезвычайно обширна – от небольших по объему молитвенников, спра-

вочников по обрядам, дореволюционных учебных пособий, переложенных с арабского шрифта на кириллицу, до кратких извлечений из сочинений мусульманских ученых, а также различных сборников хадисов, словарей и т.д. Если небольшие сборники анекдотов, адресованные детям, вызывают улыбку, то переиздания работ некоторых дореволюционных востоковедов, также русских миссионеров (например, Н.Ф.Катанова, Л.И.Климовича, Я.Д.Коблова, М.А.Машанова и др.), заставляют задуматься. Подавляющее большинство изданий представляют собой тоненькие брошюры, напечатанные на низкокачественной бумаге... Все же нужно признать, что хозяева «Имана» нашли выгодную нишу для удовлетворения как духовно-религиозных потребностей освободившихся от пут вульгарно-тоталитарного атеизма людей, так и своих меркантильных интересов.

Несколько особую позицию занимает благотворительный общественный фонд под названием «Жиен» (Джиен, от названия календарного праздника большой татарской общины, отмененного с началом коллективизации), начавший свою деятельность в 90-х гг. прошлого столетия с переиздания текстов запрещенных или игнорировавшихся в советские времена исторических и публицистических сочинений¹⁴¹.

В последние годы фонд «Жиен», первоначально совместно с другим фондом («Рухият» – «Духовность», функционирующим при компании Тат-Нефть), а потом самостоятельно стал издавать документальные и библиографические сборники, персонально посвященные жизни, деятельности и творчеству видных представителей культуры татарского народа. Материалы этой серии, получившей название «Шэхеслэребез» («Наши знаменитые личности»), помогут лучше осмыслить особенности как реальной действительности духовно-культурной жизни, так и значение отдельных *личностей* в ее развитии¹⁴².

Необходимо также отметить, что фонд «Рухият» завершил издание на татарском и русском языках текстов всех опубликованных до революции шестнадцати выпусков известного библиографического свода «Асар» («Следы») Р.Фахретдина¹⁴³. Ждут издания и изучения тексты 3–4 томов этого ценного памятника, оставшиеся в рукописях.

Как видно из перечисленных примеров, в последние годы в разработке востоковедческих проблем и осуществлении публикаций в Казани, наравне с учеными из специальных научных центров, призванных вести ориентальные исследования, стали активно принимать участие и представители различных учреждений и общественных организаций. Такое явление общего подъема связано, естественно, как с особенностями истоковых факторов истории, культуры народа и региона, так и желанием общественности всесторонне, объективнее осмыслить свое прошлое, что, оказывается, легче и лучше достигается при совместном действии.

Однако наиболее существенные результаты в деле планомерного и системного возрождения востоковедческих разработок, в том числе исламоведческих проблем, были все же достигнуты в специализирующихся в этом направлении научных центрах. Таковыми на данном историческом этапе являются два центра – Отдел общественной мысли и исламоведения ИИ им.Ш.Марджани АН РТ и РИУ в Казани. Их деятельность заслуживает более подробного рассмотрения.

Приближаясь к цели

Как было отмечено, Отдел общественной мысли (разумеется, без исламоведения) сложился еще в советское время. Основателем его был вышеупомянутый Я.Г.Абдуллин, которого в 1985 г. сменил Ф.М. Султанов¹⁴⁴, а в 1993 г. на его место пришел Р.М. Амирханов (1946–2006)¹⁴⁵. С 2000 г. по

настоящее время отделом руководит Р.М.Мухаметшин¹⁴⁶. В процессе смены руководства относительно молодыми учеными, ставшими докторами наук в перестроечное время, стало уделяться должное внимание собственно востоковедческим, преимущественно исламоведческим, проблемам. Закономерность такой переориентации вполне очевидна, так как интерпретация истории народа в советские времена зашла в тупик, оказавшись в противоречии как с данными первоисточников, так и с жизненной действительностью.

Ярким показателем активизации деятельности ИИ и его отдела является то, что ученые из этого учреждения в тесном сотрудничестве с исследователями из других научных организаций и городов организуют и принимают участие в работе различных научных конференций, симпозиумов, семинаров, публикуют их материалы¹⁴⁷. Активно налаживаются научные связи с учеными-исламооведами из зарубежных стран, в том числе из Турции, что было безусловным новшеством для татарстанской действительности последних лет. Потому что в советские времена были невозможны какие-либо контакты с коллегами из зарубежных стран, особенно из Турции. Приведу лишь два примера из своей практики. В 1988 г. я был официально приглашен на 10-й Конгресс турецкой истории, проводимой Турецким историческим обществом (Türk Tarih Kurumu). Но в Министерстве высшего образования СССР мне отказали в командировке (тогда я работал проректором нашего университета). В 1990 г. при содействии З.М.Буниятова из Баку поездка на 11-й Конгресс состоялась, ибо времена были уже другие, Однако после возвращения из Анкары, когда я зашел в министерство отметить завершение своей командировки, был изъят мой загранпаспорт...¹⁴⁸

Ощутимые результаты дало сотрудничество татарских историков с коллегами из Исследовательского центра по изучению исламской истории,

искусства и культуры (IRCICA) при Организации Исламская Конференция. Под эгидой этого центра в Казани было проведено две международные конференции по истории исламской цивилизации в Волго-Уральском регионе. Материалы этих конференций опубликованы на английском, русском и турецком языках¹⁴⁹. По инициативе IRCICA, по предложению прежнего директора Центра профессора Экмалетдина Ихсаноглу, казанскими учеными был написан фундаментальный труд, посвященный истории и культуре татарского народа с древнейших времен, который опубликован на английском языке в Турции¹⁵⁰.

Есть случай, когда исследование турецкого автора, посвященное проблемам истории религиозной ситуации среди тюркских народов, опубликовано в Казани¹⁵¹. Надеемся, что количество таких изданий в будущем увеличится.

Разумеется, сотрудничество татарских и турецких ученых развивается и в филологии, особенно широко в лингвистике. Происходит постоянный обмен преподавателями (например, работы историка И.Туркоглу и др. в Казани, филологов Ф.С.Хакимянова, Ф.Ю.Юсупова в Анкаре и т.д.)¹⁵². Казанские филологи целыми группами участвуют в специальных научных конференциях, широких форумах, организованных в различных городах и академических учреждениях Турции (Р.Г.Ахметьянов, Ф.А.Ганеев, М.З.Закиев, Н.Ш.Хисамов, Ф.М. Хисамова, Ф.Ю.Юсупов и др.). Активно принимают участие в казанских научных мероприятиях ученые из Турции (Осман Серткай, Курт Йылмаз, Мустафа Онер, Ришат Гэндж, Хамза Зулфикар, Халюк Акалын и др.). К сожалению, результаты, характер этих встреч и сотрудничества пока не находят должного освещения в научной литературе.

При констатации многочисленных фактов татарско-турецкого сотрудничества в области филологии указание

на малоосвещенность этого процесса в литературе не случайно. Значение этих контактов не ограничивается лишь количеством прочитанных докладов, конкретных публикаций, в том числе изданных монографий, словарей. Оно, вопреки некоторым тенденциям превращать контакты в туристические поездки, намного шире и глубже. Как известно, после распада СССР по ряду причин нарушились былые связи, тесные контакты казанских филологов со своими коллегами из бывших союзных (тюркских) республик Центральной Азии и Кавказа. В такой неблагоприятной обстановке международные форумы, щедро организованные Турецким лингвистическим обществом (Türk Dil Kurumu), крупными университетами этой страны способствуют восстановлению, сохранению и развитию традиционных научных контактов между братскими тюркологами из различных регионов Евразии. Поэтому об этих важных мероприятиях, проходивших в гостеприимной Турции, их участники должны написать специальное исследование.

Вообще установление тесных творческих контактов между учеными из различных стран (Турции, Болгарии, Германии, Венгрии, США и т.д.) принесло большую пользу для наших исследователей, в особенности историков: накопился опыт, расширился кругозор, пришла уверенность в себе. Одним из показателей этого процесса является создание своими силами фундаментального коллективного труда – очерков по истории мусульманской культуры в Среднем Поволжье¹⁵³.

Наиболее существенным достижением в области изучения истории культуры, особенно в исламоведении, все же являются планомерное изучение и публикация наследия известных религиозных деятелей в серии «Антология татарской богословской мысли». Причем каждый изящно оформленный томик, содержащий текст памятника в оригинале и перевод на русский язык, сопровождается специ-

альным монографическим исследованием, освещающим деятельность богослова, один из трудов которого вошел в антологию. Первый такой специальный томик посвящен Абунасу Курсави (1776–1812)¹⁵⁴. Составитель тома – Г.Идиятуллина опубликовала также и добротную монографию о жизни и деятельности мыслителя¹⁵⁵.

Сложным по составу оказался том антологии, содержащий девять трактатов – небольших по объему сочинений Габдрахима Утыз-Имяни (1754–1834), составленный Р.Адыгамовым¹⁵⁶, которому принадлежит и монография об этом богослове, опубликованная до выхода тома антологии¹⁵⁷.

Следует заметить, что тома, содержащие сочинения Курсави и Утыз-Имяни, обеспечены качественными факсимильными приложениями оригиналов памятников, публикуемых в переводе.

Третий по хронологии том антологии содержит русский перевод одного из основных богословских сочинений Шигабаддина Марджани (1818–1889)¹⁵⁸. Возможно, в будущем будут опубликованы и другие богословские труды этого мыслителя¹⁵⁹.

Деятельность и имена многих татарских богословов прошлого предавались в советское время целенаправленному забвению. Создавалось впечатление, что их не было вообще. Из их числа наиболее игнорируемым был крупнейший знаток исламской культуры, философ Муса Бигиев (1873–1949). Он отличался глубокими познаниями в своем предмете и широким взглядом на действительность. Изучение и введение в научный оборот его обширных религиозно-философских трудов является делом нелегким, требующим как времени, так и определенной квалификации. Этим и объясняется тот факт, что научная реабилитация его имени в отличие от постепенного и сравнительно раннего освобождения имен Марджани, Фахрадина, Утыз-Имяни из-под большевистских запретов происходило лишь на рубеже 20–21 сто-

летий. Так в декабре 1999 г. совместно с турецкими историками была организована и проведена международная научная конференция, посвященная жизни и деятельности мыслителя¹⁶⁰. В результате такой основательной подготовки в рамках антологии была осуществлена публикация двухтомника сочинений М.Бигиева¹⁶¹. Это издание, на мой взгляд, займет достойное место в ряду казанских исламоведческих исследований новейшего времени, так как оно достаточно широко освещает деятельность М.Бигиева. Одновременно с двухтомником антологии вышло и специальное монографическое исследование А.Г.Хайрутдинова, посвященное его многогранной деятельности и особенностям мироощущения, миропонимания мыслителя¹⁶².

В целом изданием многотомной антологии памятников татарской богословской мысли ИИ им. Ш.Марджани открыл новую главу в деле возрождения ориенталистики в Казани. Если будут реализованы все намерения института в этом направлении (предполагается издание пятнадцати-шестнадцати томов антологии), то изучение истории духовной культуры народа обогатится ценными первоисточниками, что станет важным этапом в становлении научного исламоведения в регионе. Создание широкодоступной источниковой базы способствует объективному осмыслению сложной действительности. Издание памятников религиозной мысли (а их у нас немало¹⁶³) полезно для исследователей, так как приведет к своеобразно свободному и широкому обмену мнениями, тому чего не хватало, как показывает история, во времена разгула религиозного фанатизма в средние века и тоталитарного атеизма, доведенного до вульгарности в официальной пропаганде в новые и новейшие времена. Обе эти крайности, подрывающие основы цивилизованного образа существования, служили, как выясняется, игнорированию и подавлению в конечном счете права Че-

ловека, Личности на убеждение, веру, следовательно и на образ жизни.

В последнее время значительные успехи в развитии исламоведческих исследований достигнуты в Российском исламском университете (РИУ) в Казани. В первые годы функционирования этого нового учебного заведения немногочисленные публикации его сотрудников представляли собой популярные издания, посвященные религиозным обрядам, а также различные переводы теологических сочинений с арабского языка и, естественно, пособия, необходимые в учебном процессе¹⁶⁴. Наконец, в результате неоднократного пересмотра концепции развития этого учебного заведения, а также обновления руководства (с 2006 г. его ректором является проф. Р.М.Мухаметшин, который по совместительству продолжает работать в ИИ) начали появляться собственно исламоведческие публикации, выполненные в рамках мусульманской научной традиции, то есть исламского *'ильма*. Наравне с отдельными сборниками статей¹⁶⁵, появляются работы, посвященные суфизму¹⁶⁶, жизни и наследию основателя суннизма имама Абу Ханифы (699–767), материалы биографолитературного характера¹⁶⁷. Интерес представляет исследование, посвященное другому крупному мусульманскому мыслителю средневековья – аль-Газали ат-Туси (1052–1111)¹⁶⁸.

Нетрудно заметить, что эти публикации в несколько ином аспекте дополняют вышеупомянутые книги из антологии, издаваемой ИИ им.Ш.Марджани АН РТ, обогащая предмет исламоведения более ранними источниками. Характерно, что в публикации последней книги принимали участие, судя по ее исходящим данным, и сотрудники института им.Ш.Марджани.

В Исламском университете предпринимаются меры по обеспечению студентов специально подготовленными учебными пособиями, в особенности такими, которые необходимы для изучения истории и местной спе-

цифики мусульманской культуры. Например, курс лекций, подготовленный Д.Шагавиевым¹⁶⁹. При дефиците учебных пособий подспорьем могут служить также сборники, скомпонованные из различных по характеру, происхождению переводных материалов. В этом плане, на мой взгляд, определенный интерес представляет сборник под названием «Минбар», отличающийся своим пестрым содержанием¹⁷⁰. Такие материалы должны способствовать расширению кругозора читателей, в особенности студенчества.

Здесь не случайно обращается внимание на то, что в названном сборнике, являющемся своеобразным исламоведческим альманахом, наравне с работами местных светских историков, сотрудников самого РИУ, опубликованы статьи авторов как из других регионов Российской Федерации, так и зарубежных стран, причем не только религиозных деятелей, но и светских по воззрениям востоковедов. Таким начинанием, на мой взгляд, в казанской ориенталистике в целом, в татарском исламоведении, в частности, открывается совершенно новая страница, с которой начинает воплощаться в жизнь идея возможности знать и учитывать мнения, позиции представителей как иных общин, культур внутри мусульман, так и других конфессий в более широком масштабе. Наиболее ярким примером в этом отношении являются факты организации переводов и публикаций в серии «Зарубежное исламоведение» трудов некоторых современных западных ориенталистов, вносящих существенный вклад в изучение отдельных аспектов татарской богословской мысли и духовной культуры далекого и не очень далекого прошлого. Так, изданные в 1998 г. соответственно в Бостоне и Берлине, богатые по содержанию и новые по духу монографии Аллена Франка¹⁷¹ и Михаэля Кемпера¹⁷² появились в переводе на русский язык в 2008 г.¹⁷³. Надеемся, что это достойное внимания и одобрения начинание будет иметь серьезное продолжение и в

дальнейшем¹⁷⁴. Приобщение к опыту и достижениям зарубежных коллег позволит компенсировать наши упущения и некоторое отставание. К тому же желание лучше знать мнение и позицию других, даже сторонников иных взглядов, то есть стремление освободиться от эгоцентричного самоограничения, является движением в сторону возмужания и научной зрелости. Поэтому было бы полезно и Институту истории им.Ш.Марджани также практиковать издание переводных работ ведущих европейских ориенталистов¹⁷⁵.

Что касается отмеченных конкретных достижений, то они приводят к следующему выводу: параллельное функционирование двух серий – «Антологии татарской богословской мысли» и «Зарубежного исламоведения» – ведет к укреплению источниковедческо-историографического фундамента возрождающегося казанского исламоведения – одного из актуальнейших на данном этапе направлений многоотраслевого востоковедения.

Заключительные замечания

Таков краткий, отнюдь не претендующий на полноту, обзор литературы и сопровождающей информации¹⁷⁶, которые документально свидетельствуют о сложной, порой весьма драматичной судьбе проблемы, а также многолетней и упорной борьбе за право существования и возрождения Казанского востоковедения в советское и постсоветское время¹⁷⁷. Привлеченные материалы позволяют сделать следующие выводы.

Как показывают исторические сведения, научная общественность Казани еще в 19 столетии относилась отрицательно к факту ликвидации ВР в КГУ, поэтому она пыталась несколько компенсировать эту утрату созданием Общества археологии, истории и этнографии при университете. Желание возродить востоковедческую деятельность и дисциплины в составе казанских учебных заведений продолжало

существовать и усиливаться в течение всего 20 в. Хотя из-за установившейся политической обстановки значительная часть этого столетия оказалась совершенно неблагоприятной для осуществления таких намерений и нормального развития гуманитарных наук в целом. Лишь во времена хрущевской оттепели появилась некоторая надежда на раскрепощение гуманитарных научных дисциплин и возрождение востоковедения. Эта надежда оправдалась лишь частично. Об этом, наравне с печальной попыткой восстановления Общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете, свидетельствуют и другие факты. Например, начиная с 60-х гг. впервые за все советское время стали появляться специальные, хотя и небольшие по объему, историко-востоковедческие публикации; университетом организовывались, проводились регулярно функционирующие археологические экспедиции по сбору среди населения восточных (арабографических) рукописей; также в 70-х гг. имели место идеи и неосуществленное намерение М.Т.Нужина создать востоковедческую кафедру...

Реальные условия для официального возрождения ориенталистики появились лишь во второй половине 1980-х гг., в ходе крушения советского строя во времена горбачевской перестройки.

Вместе с тем необходимо специально отметить и следующее. В открытии Татфака, то есть факультета татарской филологии, истории и восточных языков – этого важного и необходимого этапа для действительного возрождения университетского востоковедения – значительную роль, наравне с другими важными факторами социально-политического характера, сыграла относительно высокая развитость тюркологии в виде татарской филологии, сумевшей сохраниться как один из очагов традиционной научной ориенталистики. Иначе говоря, татарский язык, своеобразно повторяя функцию турецко-татарской филологии 19 сто-

летия, еще раз послужил базой для становления университетской ориенталистики в Казани.

Одновременно следует учитывать и тот фактор, что начиная с 60–70-х гг. 20 века, то есть еще до перестройки, казанскими учеными в рамках истории и культуры народа региона сначала постепенно и осторожно, а в дальнейшем более активно и интенсивно разрабатывались собственно востоковедческие темы.

Так, в результате постепенного накопления знания и опыта еще более усилилось и укрепилось убеждение в том, что без дальнейшего развития научного востоковедения остается проблематичным полноценное изучение и осмысление истории и культуры народа, региона. Этим обстоятельством и объясняется усиление, расширение востоковедческих тем в трудах казанских историков и отдельных филологов конца 20 и начала 21 вв. Это привело в конечном счете к появлению достаточно серьезных исламоведческих трудов, свидетельствующих о начале становления одного направления многоотраслевой академической ориенталистики.

Актуализация исламоведения, его выдвижение на передний план на данном этапе вполне закономерны. Явление обусловлено объективными факторами: как результатами вульгарно-негативного отношения в нашей стране к религиям в прошлом, так и обострением межцивилизационных и межконфессиональных противоречий в настоящее время в международном масштабе. Религии, вместе с ними историко-культурные традиции народов стали и становятся объектом эксплуатации со стороны политиков и всевозможных политиканов. Как с этой, так и с другой сторон. Наблюдаются тенденции клерикализации не только общественного сознания, но и государственной политики. В такой ситуации единственным «лечащим», то есть отрезвляющим, средством является, прежде всего, научное осмысление ре-

альной действительности, свободной от политизированности.

Естественно, чтобы научное востоковедение в Казани приобрело полноценное качество и состояние, оно должно развиваться как многоотраслевой комплекс гуманитарных дисциплин со своими конкретными объектами изучения и специфическими методами исследования. В этом сложном комплексе исламоведение является лишь одним направлением историко-философского знания. Есть надежда, что в будущем такая цель будет достигнута и получат полноценное развитие классические историко-филологические, социально-философские и конкретно-страноведческие направления со своими подразделениями.

Как было видно из названий опубликованных работ, исламоведческие и вообще историко-востоковедческие публикации в Казани выполнены на двух языках – на татарском и преимущественно русском. Явление это вполне объяснимо. Во-первых, значительную часть будущих читателей такой литературы составляют люди, лучше знающие русский язык, а удельный вес владеющих татарским литературно-научным языком сильно сократился во второй половине 20 в. Аналогичное соотношение характерно и для круга исполнителей рассматриваемых исследований и публикаций. Во-вторых, как было видно на примере РИУ, среди потребителей (студентов) такой литературы немало представителей других регионов страны, которые также лучше знают русский язык, чем татарский. В-третьих, наконец, здесь прослеживается в определенной степени продолжение традиции казанского востоковедения, которое было русскоязычным и являлось частью общероссийской научной мысли, культуры. Что касается исследований и публикаций на татарском языке, то они являются как бы своеобразным продолжением дореволюционной татарской религиозно-научной традиции. Так что языковые особенности рассматриваемых работ

отражают реальную действительность.

Читатель, безусловно, обратил внимание на то, что автор данного обзора почти не коснулся спорных проблем и недостатков, содержащихся в перечисленных исследованиях и публикациях. И сделано это вполне сознательно, потому что на данном этапе им, автором обзора, преследовалась прежде всего одна конкретная цель: выяснение состояния и поэтапного возрождения востоковедческих изысканий в Казани. Что касается недостатков, спорных моментов, на наличие которых здесь делается намек, то они разнообразны и немалочисленны. В качестве примера, а не конкретного освещения и решения проблемы, отметим лишь некоторые общие моменты.

Начнем с полиграфических и технических оформлений отдельных изданий. Некоторые книги набраны так мелко, что читать их трудно, если не имеешь специальные очки или лупу (например, издание «Минбар»). Понятно, что сделано это с целью экономии средств. Но не получилось бы так, как в поговорке: «скупой платит дважды», ибо непрочитанная книга – тоже убыток. К тому же, чем украшать каждую страницу отдельных книг ненужными псевдохудожественными рамочками, полезнее было бы аккуратнее указывать на исходящие данные, например, не заставляя читателя искать год издания книги. В полиграфическом, техническом и эстетическом отношении наиболее качественными оказались томики из «Антологии».

Во-вторых, многие издания не снабжены достаточно качественным научным аппаратом, хотя бы минимальными комментариями и примечаниями. Приложенные библиографии иногда составлены очень небрежно; одни и те же названия книг, статей в одном и том же перечне изложены в разных вариантах и т.д.

В-третьих, некоторые авторы, в том числе переводчики как с восточных, так и с западных языков, плохо знают

соответствующие русские и татарские эквиваленты арабских, английских терминов, понятий, а также звучание некоторых собственных имен. Важно не только знание языка переводимого текста. В последние годы, в отличие от 1960–1980-х гг., стало больше сравнительно лучше понимающих и знающих иностранные языки, что, безусловно, хорошо. Но не менее важно качественно знать и тот язык, на который переводится тот или иной иностранный текст.

В-четвертых, в транскрипциях и транслитерациях арабских терминов и понятий при помощи современной кириллицы было бы желательно или пользоваться сложными знаками из так называемой «системы Крачковского», или же наравне с использованием обычной кириллицы, хотя бы один раз, при первом употреблении, давать их арабографические изображения. Это особенно важно при употреблении современного ущербного татарского алфавита на основе кириллицы. Следует лишь добавить, что при современной оргтехнике, особенно при компьютерном (естественно, снабженном соответствующей программой) наборе второй вариант из только что сделанных предложений окажется более удобным и эффективным. Этими возможностями желательно было бы пользоваться и в библиографиях. При этом необходимо уточнить, что для осуществления качественных востоковедческих публикаций в казанских условиях, где в текстологии присутствует специфика и татарского языка, лучше подходит программа с персидской «кассой» арабских букв, нежели только арабской (например, для правильного озвучивания слов, содержащих звуки-буквы *ə*, *u*, *o*, *n*, *z*, *ç*, *ж* и т.д.)

В-пятых, при издании памятников прошлого для современных читателей не следует ограничиваться лишь переводом текста на один из нынешних языков, а необходимо снабжать переводы более или менее полноценным научно-справочным аппаратом – пре-

дисловием, сведениями об авторах, характеристикой значения и степени изученности памятника, хотя бы минимальными комментариями и т.д. Например, публикация русского перевода «Мустафад аль-ахбар...» Ш.Марджани представлена в совершенно «оголенном» виде. Нет ничего из только что перечисленных минимальных требований, причем это тот памятник татарской исторической мысли, который имеет свою особую историографию. Создается впечатление, что перед нами не научное издание, а лишь механическая публикация конспектов текста, сделанных для личного пользования самим переводчиком.

Наконец, в-шестых, создается впечатление, что до сдачи рукописи в типографию некоторые тексты не подвергались корректорской проверке после компьютерной верстки и редактированию, как будто верстальщик торопился, корректор спал, а редактор отдыхал, хотя фамилии их присутствуют, причем часто с пометкой «научный» или «ответственный».

Таковы наиболее характерные недостатки некоторых новейших казанских исламоведческих публикаций. Ограничиваясь этими общими и обобщен-

ными замечаниями (конкретный анализ их мог бы стать темой для другой самостоятельной работы) необходимо отметить следующее. Эти недостатки по своему характеру и происхождению являются не чем иным как результатом торопливости, с одной стороны, и отсутствия в достаточной степени у энергичных молодых исполнителей достаточного опыта и навыков, присутствующих квалифицированным отечественным и зарубежным востоковедам, с другой. Ведь научная ориенталистика заключается не только во владении каким-либо восточным языком и желании писать, публиковать, а является специфическим историко-филологическим разделом гуманитарных наук, научной культуры со своей традицией, со своим богатым опытом и навыками, которые нужно осваивать системно.

Завершая обзор, хочу пожелать новому поколению энергичных казанских востоковедов дальнейших успехов, бесспорных достижений как в деле накопления опыта, освоения специфической научной культурой (что почти бесконечный процесс), так и осуществления глубоких исследований и качественных публикаций.

Сделанное уже обнадеживает.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АН – Академия наук
 ВР – Восточный разряд КУ
 ИВ – Институт востоковедения КГУ
 ИИ – Институт истории имени Ш.Марджани
 ИЯЛИ – 1. Институт языка, литературы и истории (до 1997 г.)
 2. Институт языка, литературы и искусства (с 1997 г.)
 Каз.ут. – Казан утлары (журнал)
 КГУ – Казанский государственный университет
 КДУ – Казан дәүләт университеты
 КУ – Казанский университет
 НБ – Научная библиотека
 НИАЛ – Научно-исследовательская археографическая лаборатория (с 1988 г. при кафедре истории татарского народа КГУ)
 Татфак (татфилфак) – факультет татарской филологии и истории (с 1989 г.)
 ТГГПУ – Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет (ранее – Казанский педагогический университет, еще ранее – Казанский педагогический институт, до 1994 г.)

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при КУ (1878–1929 гг.)
 ОИАЭ – Общество истории, археологии и этнографии (функционировал некоторое время в начале 1960-х гг.)

РИУ – Российский исламский университет Казань, (с 1998 г.)

ФВЯ – факультет восточных языков Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁶⁷ *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись Казанского государственного университета (История в фактах, подтвержденных документами). Т.2. 1946–2004. – Казань – Лондон, 2005. – С.176, 281, 296, 310, 320, 334.

⁶⁸ Организация экспедиций, выявление и сбор рукописей среди населения осуществлялись совместно с сотрудниками кафедры истории татарского народа, при которой функционировала данная лаборатория. Описание рукописей требовало, естественно, определенную подготовительную работу, так как после болезни и смерти А.С.Фатхиева (1937–1992), сумевшего до этих преобразований опубликовать в НБ КГУ несколько выпусков описаний рукописей дореволюционных татарских литераторов, осложнился вопрос с кадрами. (См. последний выпуск: *Фатхиев А.С.* Татар әдипләре һәм галимнәренә кулъязмалары. КДУ фәнни китапханәсенә 1959–1969 елларда кергән кулъязмаларның тасвирламасы. Казан, 1986). Начатое в эти годы дело по описанию одного комплекса арабграфических рукописей завершилось через несколько лет публикацией фундаментального каталога 389 рукописей (*Арсланова А.А.* Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им.Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета. Вып.1. М. – Казань, 2005), который был отмечен государственной премией Исламской Республики Иран. Издание библиографических указателей также дало ощутимые результаты (см.: *Мәрданов Р.Ф.* «Әл-Ислах» газетасының библиографик күрсәткече. Казан, 1991; *Мәрданов Р.Ф., Галләмов И.К.* XX йөз башы татар тәгълим-тәрбия журналларының библиографик күрсәткече: «Тәрбия-и әфәль», «Тәрбия», «Мәктәп», «Мөгәллим». Казан, 1997; *Госманов М.Г., Мәрданов Р.Ф.* «Шура» журналының библиографик күрсәткече. Казан, 2000; *Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакурров Ф.Н.* Татарская периодическая печать начала XX века. Библиографический указатель. Казань, 2000). В последнем справочнике-каталоге даны сведения о 310 газетах и 89 журналах, изданных на татарском языке арабским шрифтом в 1905–1924 гг.. При этом поштучно и подробно указаны места их хранения, сколько и какие номера их находятся в настоящее время. Последние три указателя опубликованы совместно с Национальной библиотекой Республики Татарстан в рамках программы «Сотрудничество».

⁶⁹ Возвзвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. Казань, 1988.

⁷⁰ Выше я не случайно отметил специальность двух ректоров, М.Т.Нужина и А.И.Коновалова. Также идею активно поддерживали физик Б.И.Кочелаев, биолог И.Б.Лешинская, юрист Д.И.Фельдман и др. Представители гуманитарных наук проявляли некоторую сдержанность особенно тогда, когда речь пошла о создании татароведческого подразделения. Такая осмотрительность, видимо, была связана, с опасением возможного обвинения в будущем в «буржуазном национализме», как это часто практиковалось в России и СССР.

⁷¹ *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись... Т.2. – С.307.

⁷² Там же. – С.310. Следует отметить, что впервые в СССР историческая кафедра была названа именем конкретного народа, а не республики, как это практиковалось в прошлом.

⁷³ Там же. – С.392.

⁷⁴ Последняя кафедра введена в состав института позднее и занимает несколько автономное положение, так как научная проблематика ее шире, чем основное направление института.

⁷⁵ Назовем следующие в основном историографические исследования: *Ахунов А.М.* Арабский источник средневековой тюрко-татарской литературы. Казань, 2001; *Ахмадеев Р.Я.* Воздействие ресурсного потенциала на социально-экономическую модернизацию арабских стран. Казань, 2007; *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е гг. XX вв.). Казань, 1998; *Рахимова А.Р.* Төрөк грамматикасы: Түрк Dilbelgisi. Казань, 2000; *Мартынов Д.Е.* Конфуцианское учение (Из истории социально-политической теории и практики Китая в XIX в.). Казань, 2006; Сборники: Наследие монголоведа О.М.Ковалевского и современность. Доклады и сообщения международной научной конференции. 21–24 июня 2001 г. Казань, 2002; Монголовед О.М.Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань, 2004; Мусульманские страны. Очерки истории и культуры (VII–XV вв.). – Казань, 2003.

⁷⁶ *Махмутова А.Х.*: а) Лишь тебе, Народ, служенье. Из истории татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби. Казань, 2003; б) Пора и нам зажечь зарю свободы! Джадидизм и женское движение. – Казань, 2006.

⁷⁷ Материалы форума: Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2003. Обзор о работе семинара см.: *Арсланова А.А.* Источниковедение истории Джучиева Улуса // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 1999. – №4, июль–август. – С.151–161. Следует отметить, что в работе семинара кроме ученых из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов России принимали участие 14 историков из зарубежных стран (Англия, Венгрия, Германия, Египет, США, Тайвань, Турция, Украина и Япония), из них десять человек выступили с докладами.

⁷⁸ Сокровища Золотой Орды. Алтын Урда хэзинэлэре. The Treasures of The Golden Horde. – СПб., 2000.

⁷⁹ *Усманов М.А.* Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. – С.26–53.

⁸⁰ Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. Казань, 2008. Оговорка о «доступности» связана с тем, что ряд китайских материалов о монголах и Улусе Джучи до сих пор не имеет переводов ни на один из западноевропейских языков. Об этом свидетельствуют данные опубликованной кандидатской диссертации бывшего аспиранта нашей кафедры из Тайваня Чжао: *Чжао Чху-ченг.* Распад Монгольской империи. Казань, 2008; *он же.* К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей (по данным китайских источников) // Источниковедение истории Улуса Джучи... С.188–192.

⁸¹ *Frank J.A., Usmanov M.* Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two Manuscripts by Ahmad-Walī al-Qazānī and Qurban-ʿAlī Khālidī. Berlin, 2001 (ANOR, 11); *Ivanics M., Usmanov M.* Das Buch der Dschingis-Legende (*Dāftār-i Ġingiz-nāmā*). I. (Vortwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Szeged, 2002; *Frank J.A., Usmanov M.A.* An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe 1770–1912. Qurban-ʿAlī Khālidī. Brill, Leiden-Boston, 2005.

⁸² *Усманов М.А.* Татарское купечество в торговле России с восточными странами через Астрахань и Оренбург в XVII–XVIII столетиях // *Histoiry Russian.* – 1992. – Vol.19. – № 1–4. – P.505–513; *Usmanov M.A.*: а) Documents of Russian – Eastern Correspondence in Turkic languages and their Significance in the Science of Sources // *International Journal of Central Asian Studies.* Vol. 1. Seoul, 1996. – P.21–43. б) Zur Geschichte der tatarischen Handschriften // *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries.* Band 200. Berlin, 1996. – S.49–68; в) Tatar settlers in Western China (second half of the 19th Century to first the half the 20th Century) // *Ibid, Vol.2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries.* Berlin, 1998. – S.243–269.

⁸³ *Gilyazov I.A.*: а) Die Islampolitik von Staat und Kirche im Wolga-Ural-Gebiet und der Batiroah-Aufstand von 1775 // *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the 20th Centuries.* Band 200. Berlin, 1996. S. 69–89. б) Die Wolga-Tataren und Deutschland

im Ersten Drittel des 20. Jahrhunderts // *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Band 216.* Berlin, 1998. – S. 335–353.

⁸⁴ *Minnullin Z.S.*: a) Zur Geschichte der Tatarischen Öffentlichen Bibliotheken vor der Oktoberrevolution // *Ibid.* Band 200. – S.207–237. Berlin, 1996. – S.207–237. b) Fraternal and Benevolent Associations of Tatar Students in Muslim Countries at the Beginning of the 20th Century // *Ibid.* Band 216. Berlin, 1998. – S.271–280.

⁸⁵ *Usmanova D.M.*: a) Die tatarische Presse 1905–1918: Quellen, Entwicklungsetappen und quantitative Analyse // *Ibid.* Band 200, Berlin, 1996. – S.238–278; b) The activity of the Muslim Faction of the State. Duma and its Significance in the Formation of a Political Culture among the Muslim Peoples of Russia (1906 – 1917) // *Ibid.* Band 216. Berlin, 1998. – S.417–455; см. также: *Усманова Д.М.* Ограничительные нормы российского права в отношении мусульман Волго-Уральского региона в начале XX века // *Islamic Civilisation in the Volga-Ural Region. The international symposium, Kazan 8–11 June 2001.* Istanbul, 2004. – P.245–254.

⁸⁶ Татар әдәбияты тарихы. 6 томда. – Казан, 1984–1999.

⁸⁷ Татар халык ыжаты. 12 китапта. – Казан, 1977–1993.

⁸⁸ *Миннегулов Х.Ю.* Татарская литература и восточная классика (вопросы взаимосвязей и поэтики). Казань, 1993; *Сәйф Сарай.* Гөлстан. Лирика. Дастан. Төзүче Х.Миннегулов. – Казан, 1990; *Котб.* Хөсрәү вә Ширин. – Казан, 2003.

⁸⁹ Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв. (руководитель Н.Ш.Хисамов). Казань, 1999; *Хисамов Н.Ш.* Сюжет Йусуфа и Зулейхи в тюрко-татарской поэзии XIII–XV вв. (Проблема версии). – Казань, 2001.

⁹⁰ *Исламов Р.Ф.* Алтын Урда һәм Мәмләкләр мирасы: язма мирас, мәдәни багламышлар. – Казан, 1998.

⁹¹ *Сибгатуллина А.Т.*: a) Суфичылык серләре. – Казан. 1998; b) Илаһи гашыйклар юлыннан (Суфичылык турында очерклар). – Казан, 1999.

⁹² *Урманчеев Ф.И.*: a) Татар халык ыжаты. Казан. 2002; b) Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек. Өч томда. I т.: А–Г. – Казан, 2008.

⁹³ *Бакиров М.Х.* Татар фольклоры. – Казан, 2008.

⁹⁴ *Ибраһимова Л.* Төрки халыклар ыжатында Чура-батыр. – Казан, 2002.

⁹⁵ *Хисамова Ф.М.*: a) Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности. Ч.I (XVI–XVII вв.). – Казань, 1990; b) Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.). – Казань, 1999.

⁹⁶ *Нуриева Ф.Ш.*: a) «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. – Казань, 1999; b) Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. – Казань, 2004.

⁹⁷ *Баширова И.Б.* XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле. – Казан, 2008.

⁹⁸ *Ахметзянов М.И.*: a) Татарские шеджере. Казань, 1991; b) Меңеллык татар нәселе: татар шәжәрәләре һәм этник тарихыбызга бер караш. – Казань, 2001.

⁹⁹ *Гарипова Ф.Г.* a) Татарстан гидронимнар сүзлеге. Ике китапта. – Казан, 1984–1990; b) Татарская гидронимия. Казан, 1998; c) Авыллар һәм калалар тарихыннан. – Казан, 1997.

¹⁰⁰ Идегәй. Татар халык дастаны. Казан, 1988; Идегей. Татарский народный эпос. Перевод Семена Липкина. – Казань, 1990. Перевод был осуществлен еще до 1944 г., но в новом издании он несколько переработан и исправлен.

¹⁰¹ Идегәй. Татар халык дастаны. – Казан, 1994.

¹⁰² Edigeý Destaný. Hazýrlayan Rüstem Sultı. Türksoy Yayınlary: №10. 1998.

¹⁰³ *Гилязутдинов С.М.* Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства. Вып. I–II. – Казань, 2002–2006.

¹⁰⁴ *Мәрданов Р.Ф.* (Составитель): a) Мәүлә Колый поэмалары. Казан, 2008; b) Түләк китабы. Дастан. – Казан, 2008.

¹⁰⁵ *Һадиев И.Г.* Зират тынлыгында еллар хәтере... // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2000. – № 1/2. – 82-90 бб.

¹⁰⁶ *Мәрданов Р.Ф., Гадиев И.Г.*: а) «Таш архив» серләре // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2002. – № 3/4. – 65-75 бб.; б) Кече Кайбычтагы борынгы кабер ташлары // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – № 2. – 98-101 бб.; в) Әгерже төбөгенең ташгызма истәлектәре. – Казан, 2008.

¹⁰⁷ *Сафиуллина Р.* Арабская книга в духовной культуре татарского народа. – Казань, 2003.

¹⁰⁸ О соотношении разноязычных книг среди татарского населения разнообразный материал представлен в моей вышеназванной книге: *Госманов М.А.* Каурый каләм эзеннән...

¹⁰⁹ Ранним и основным трудом ученого является монография: *Абдуллин Я.Г.* Татарская просветительская мысль. Социальная природа и основные проблемы. – Казань, 1976. В позднейших работах автора наблюдается постепенный отход его от прежних позиций, см. *Абдуллин Я.Г.*: а) Философ һәм фикер иясе // Каз.ут., 1988. – № 1. – 146-153 бб.; б) Марджани и его место в истории общественной мысли // Сб. Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. – Казань, 1990. – С.5–23; в) Татар халкының тормышында исламның функцияләре һәм дини мирасны өйрәнүдә кайбер бурычлар // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань, 1994. – С.12–19 и др.

¹¹⁰ *Юсупов М.Х.*: а) Шигабутдин Марджани. Казань, 2005 (первое издание см. выше); в) Галимджан Баруди. – Казань, 2003.

¹¹¹ *Мөхәммәдьяр.* Нуры Содур. Төзүче Ш.Абилов. – Казан, 1997.

¹¹² Кол Шәриф һәм аның заманы. – Казан, 2005.

¹¹³ *Вәлиди Ж.* Сайланма хезмәтләр: әдәби тел, грамматика, диалектология һәм лексикография мәсьәләләре. – Казан, 2007.

¹¹⁴ Жамал Вәлиди – энциклопедист галим. Республика фәнни-гамәли конференция материаллары. Апас – Казан, 2007.

¹¹⁵ *Арсланова А.А.* Остались книги от времен былых... Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. – Казань, 2002.

¹¹⁶ *Давлетшин Г.М.*: а) Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. – Казан, 1999; б) История духовной культуры предков татарского народа. – Казань, 2004.

¹¹⁷ *Загидуллин И.К.*: а) Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи. – Казань, 2006; б) Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. – Казань, 2007.

¹¹⁸ *Измайлов И.Л.*: а) Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. – Казань, 2006. – С.28–52; б) Ислам в Улусе Джучи // Там же. С.53–88; в) Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. – Казань, 2008.

¹¹⁹ *Исхаков Д.М.*: а) Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах // *Tatarica*. 1997/98. – № 1. – С.42–95; б) Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002. – С.329–366; в) О родословной хана Улуг-Мухаммада // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М., 2002. – С.63–74.

¹²⁰ *Байбулатова Л.Ф.* «Асар» Ризы Фахреддина. – Казань, 2006.

¹²¹ *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002.

¹²² В качестве примера назовем следующие пособия: Краткий религиозно-этический словарь-справочник на русском и татарском языках. – Казань, 2000; Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. – Казань, 2004.

¹²³ *Валеев Р.К.*: а) Болак арты республикасы. Казан, 1999; б) Өзелгән хәрәкәт // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2002. – № 1–2; в) Өзелгән дога. – Казан, 2007.

¹²⁴ *Усманова Д.М.*: а) Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). – Казань, 1999; б) Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906–1917. – Казань, 2002;

с) Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. – Казань, 2005; д) Депутаты Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. – Казань, 2006.

¹²⁵ *Усманова Д.М.* Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман» 1862–1916 гг. – Казань, 2009.

¹²⁶ Там же. – С.151–520.

¹²⁷ *Мухаметдинов Р.Ф.*: а) Зарождение и эволюция тюркизма. – Казань, 1992 (книга переиздана: *Түркзъльгън дорушу ве gelişimi. Istanbul, 1998*); б) **Нация и революция** (Трансформация национальной идеи в татарском обществе в первой трети XX века). – Казань, 2000; с) Идеино-политические течения в постсоветском Татарстане (1991–2006 гг.). (Сопоставление с опытом Турции). – Казань, 2006.

¹²⁸ Кандидатская и докторская диссертации профессора (с 1964 г.) М.З.Закиева были посвящены проблемам синтаксиса татарского языка. Его перу принадлежат следующие книги по этногенезу, посвященные одной проблеме, см.: *Закиев М.З.*: а) Проблемы языка и происхождения волжских татар. – Казань, 1986; б) Волжские булгары и их потомки. – М., 1993 (соавтор: Кузьмин-Юманади Я.Ф.); с) Татары: проблемы истории и языка. – Казань, 1995; д) Происхождение тюрков и татар. – М., 2003; е) История татарского народа: этнические корни, формирование и развитие. – М., 2008; ф) Төрки-татар этногенезы. – М.– Казан, 1998 и др.

¹²⁹ В оставшейся части названия института место компонента «история» заняло слово «искусство», поэтому оно сохранило старую аббревиатуру – ИЯЛИ.

¹³⁰ Перерабатывая содержание и уточняя, улучшая интерпретацию материалов прежнего трехтомного «Толкового словаря татарского языка» (более 46 тысяч слов; Казань, 1977–1981) лексикографы института осуществили следующие новые фундаментальные издания: Татар теленең анлатмалы сүзлеге (58 мең тирәсе сүз). – Казан, 2005; Татарча-русча сүзлек, 1–2 тт. (60 меңнән артык сүз). Казан, 2007; Татар халык сөйләшләре. I–II тт. – Казан, 2008; готовится к изданию также четырехтомник толкового словаря татарского языка.

¹³¹ Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Казань – М. – СПб., 2005 (на 885 с. большого формата); Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. Мифы. Образы. Пространство. – Казань – М., 2006. – 479 с.; Тартарика. Этнография. – Казань – М., 2008. – 863 с.

¹³² История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степей Евразии в древности. – Казань, 2002; Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006. Полностью завершен и находится в производстве: Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV века.

¹³³ *Миргалеев И.М.* Материалы по истории Золотой Орды с империей Тимура. Казань, 2007; *Камалов И.Х.* Отношение Золотой Орды с Хулагуидами. – Казань, 2007; *Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. – Казань, 2008; Сборник статей «Золотоордынская цивилизация». Вып. I. – Казань, 2008; *Селезнев Ю.В.* Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание. – Казань, 2009. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. – Казань, 2009. Центр нашел возможность опубликовать диссертацию бывшего аспиранта кафедры истории татарского народа КГУ Чхао из Тайваня, написавшего свое исследование преимущественно на основе малодоступных в России китайских и японских историко-историографических материалов: *Чхао Чху-Ченг.* Распад Монгольской империи. – Казань, 2008.

¹³⁴ *Марков А.К.* Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. – Казань, 2008. Из новейших публикаций см.: *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. – Казань, 2005 и др.

¹³⁵ *Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты поволжских городов XIII века. – Казань, 2003; *Абзалина Р.А.* Шамали из коллекции Национального музея Республики Татарстан (конец XIX – начало XX вв.). Альбом. Собрания профессоров И.М.Покровского и Н.Ф.Катанова. – Казань, 2003.

¹³⁶ *Валеев Р.М.* Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX – начало XV вв.). Казань, 2007.

¹³⁷ Интересными по широте охвата различных тем являются сборники статей, опубликованные А.А.Бурхановым: Восток-Запад: диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Вып.4,5 и 8. – Казань, 2004–2007.

¹³⁸ Юзеев А.Н.: а) Мировоззрения Ш.Марджани и арабо-мусульманская философия. – Казань, 1992; в) Некоторые вопросы ислама в трудах А.Курсави и Ш.Марджани // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань, 1994. – С.153–160; с) Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков. Кн.1–2. – Казань, 1998; d) Шихаб ад-дин Марджани: мыслитель, религиозный реформатор, просветитель. – Казань, 1997; e) Философская мысль татарского народа. Основные направления развития (X – начало XX вв.). – Казань, 2007 и многочисленные статьи.

¹³⁹ Татарская энциклопедия. Т.1: А–В. – Казань, 2002; Т.2: Г–Й. – Казань, 2005; Т.3: К–Л. – Казань, 2006; Т.4: М–П. – Казань, 2009; Татар энциклопедиясе. Т.1: А–В. – Казань, 2008; Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999; Татар энциклопедия сүзлеге. – Казань, 2002.

¹⁴⁰ Последний аспект ярко иллюстрируется иногда названиями изданий. Например, «Шоферларны юл афәтләреннән саклаучы догалар», то есть «Молитвы, охраняющие шоферов от дорожных бедствий» (по каталогу: 1998 г. №136, на 32 с.). Такая конкретная адресованность – водителям машин, то есть предполагаемым покупателям этого молитвенника, разумеется, намного больше, чем летчиков и машинистов поездов – точно указывает на конечный интерес издателей...

¹⁴¹ Например, впервые фондом были переизданы: Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1990; Фукс Карл. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении; Краткая история города Казани. – Казань, 1991. Репринтное воспроизведение; Гаспринский И. Россия и Восток. – Казань: Фонд «Жиен», 1993.

¹⁴² Первые три сборника посвящены Ш.Марджани, Р.Фахретдину, братьям Нигматуллиным-Буби, были изданы в 1998–1999 гг. фондом «Рухият». С 2000 г. сборники, посвященные Ф.Карими, Г.Губайдуллину, братьям Рамеевым, А.Умари, оформленные как отдельные, но самостоятельные по содержанию выпуски из серии «Шэхеслэребез», были изданы с участием «Жиен» на средства фонда «Рухият». Книги о жизни и деятельности Г.Ахмарова, И.Гаспринского, Х.Фаизханова, Х.Атласи, братьев Туйкиных, Г.Саади, А.Рахима подготовлены и опубликованы фондом «Жиен» самостоятельно. Им же в составе этой серии издана книга, посвященная наследию Карла Фукса, немца, внесшего бесспорный вклад в изучение истории, культуры и быта татарского народа. Следовательно, выбор объектов осуществляется не по этническому принципу, а по реальному их вкладу. В выявлении материалов по персоналиям, обработке и подготовке их к печати принимали и принимают участие следующие молодые коллеги из числа моих учеников по Казанскому университету: Р.Марданов, З.Миннуллин, Р.Миннуллин, С.Рахимов, И.Хадиев и др.

¹⁴³ Фәхреддин Р. Асар. – Казань, 2006–2009. 1–2 томнар.

¹⁴⁴ Султанов Ф.М.: а) Ислам и татарское национальное движение в Российском и мировом мусульманском контексте: история и современность. – Казань, 1999; в) Татарское национальное движение: история и современность. – Казань, 2000.

¹⁴⁵ Амирханов Р.М.: а) Татарская социально-философская мысль средневековья: XIII – сер.XVI века. В 2-х книгах. – Казань, 1993; в) Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XIII–XVI вв.). – Казань, 2001; с) Татарская социально-философская мысль XVII–XVIII веков // Татарстан. 1994. – №7–8. – С.93–99 (в соавторстве с Р.Мухаметдиновым).

¹⁴⁶ Мухаметшин Р.М.: а) Татары и ислам в XX веке. – Казань, 2003; в) Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана. – Казань, 2005.

¹⁴⁷ См. сборники: Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования. Материалы Всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования» (Казань, май 2003 г.). – Казань, 2004; Нужна ли реформа исламу. Материалы Всероссийского круглого стола «Нужна ли реформа взглядам об исламе» (Казань, май

2004 г.). – Казань, 2005; Ислам и благотворительность. Материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). – Казань, 2006; Инновации в системе исламского религиозного образования в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 14 ноября 2006). – Казань, 2007 и др.

¹⁴⁸ Несмотря на такие препятствия, тексты докладов, даже непрочитанного в 1988 г., были опубликованы в «Бюллетене» Турецкого исторического общества: *Usmanov M.*: XIV–XVI. *Yüzyıllarda Coçi Uusunun Osmanly devleti ile kançylariya işlerindeki temaslarynın üzerine.* – Türk Tarih Kongresinden ayrýbaşým. – Türk Tarih Kurumu Basýmevi. Ankara, 1991. – S.903-909; b) XV–XVIII Yüzyıllarda Rus Hükümdarlarý ile Dođu ülkeler arasýndaký mektüplaşmada Türk Dilleri // XI. Türk Tarih Kongresinden ayrýbaşým. Ankara, 1994. – S.601–607.

¹⁴⁹ Например, в следующих солидных по содержанию двух сборниках: *Islamic Civilisation in the Volga-Ural Region*: a) Kazan, 8–11.06.2001; b) Kazan, 24–26.06.2005; Istanbul, 2004–2005.

¹⁵⁰ *Tatar History and Civilization*. Edit.: Sadýk Unay. Istanbul: IRCICA, 2009.

¹⁵¹ Например, см.: *Мараиш Ибрагим*. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). – Казань, 2005.

¹⁵² Проблема обмена педагогами для улучшения преподавания турецкого языка в Казани, для знакомства турецких коллег с особенностями татарского нуждается как самостоятельная тема в специальном изучении.

¹⁵³ Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2006. Следует отметить, что первый вариант этой коллективной работы почти под тем же названием (без уточнения «мусульманская культура») в качестве сборника «очерков» был издан в 2001 г. небольшим тиражом (50 экз.). Издание 2006 г. является всесторонне продуманным, расширенным и более качественным переизданием коллективного труда.

¹⁵⁴ *Абу-н-Наср 'Абд ан-Насир Курсави*. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-'ибад). – Казань, 2005.

¹⁵⁵ *Идиятуллина Г.Г.* Абу-н-Наср Курсави. – Казань, 2005.

¹⁵⁶ *Габдрахим Утыз-Имяни ал-Булгари*. Трактат о выделке (Рисала-и дигаба); Жемчужины разъяснения (Джавахир ал-байан); Спасение погибающих (Инказ ал-халикин); Наставительный трактат (Рисала-и иршадиййа); Трактат о закате (Рисала-и шафакиййа); Острый меч (Ас-Сайф ас-сарим); Подарок любимым о правильном чтении книги Господа (Тухфат ал-ахбиб фи таджвид калам ар-Рабб); Порицание чаепития (Замм шурб аш-шай); Трактат о важном (Рисала-и мухимма). – Казань, 2007.

¹⁵⁷ *Адыгамов Р.Х.* Габдрахим Утыз-Имяни. Казань, 2005. (В приложении осуществлена предварительная публикация двух трактатов, позднее включенных в антологию.)

¹⁵⁸ *Марджани Ш.* Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (Китаб ал-Хикма ал-балига ал-джаниййа фи шарх ал-'акаид ал-ханафиййа). – Казань, 2008. Исследование составителя Д.Шагавиева занимает значительную вводную часть тома (с.7–124).

¹⁵⁹ Первая часть «Мустафад ал-ахбар...» (перевод с татарского Р.К.Адыгамова), опубликованная раньше «Зрелой мудрости...», является памятником не богословской, а исторической мысли: *Марджани Ш.* Извлечения вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч.1. [Казань, 2005].

¹⁶⁰ Муса Бигиев: мирас һәм хәзерге заман. Халыкара фәнни конференция материаллары (Казан, декабрь 1999). – Казан, 2000.

¹⁶¹ *Бигиев Муса Джаруллах*. Избранные труды в двух томах. Доказательства божественного милосердия (Рэхмәт[-е] илаһийә борһанлары); Взгляд на верование людей в божество (Инсанларның гакыйдә илаһийәләренә бер назар); Пост в длинные дни (Озын көнләрдә рузә). Т.1. – Казань, 2005; [2 т.]: Обращение к Великому турецкому Национальному Собранию (Türkiye Büyük Millet Meclisine Müracaat); Введение к трактату «Аль Муафакат» (Әл-Мүәфәкәт мәкаддимәсе); Воззвание к мусульманским нациям

(Ислам милләтләренә дини, әдәби, сәяси мәсьәләләр, тәдбирләр хакында); Женщина в свете священных аятов Благородного Корана (Коръән-и Кәрим аят[-и] кәримәләре хозурында хатын). Т.2. – Казань, 2006.

¹⁶² Хайрутдинов А.Г. Муса Джаруллах Бигиев. – Казань, 2005.

¹⁶³ В качестве одного из примеров следует назвать книгу основателя и издателя первой татарской газеты «Нур» (в Санкт-Петербурге), крупного общественного и религиозного деятеля, муфтия Атауллы Баязитова, опубликовавшего свои труды в 19 столетии: *Баязитов Гатаулла*. Ислам и прогресс. – Казань, 2005. Это издание своим содержанием и значением в какой-то степени примыкает к рассмотренной выше антологии.

¹⁶⁴ В первые годы функционирования РИУ в качестве учебных пособий по обучению студентов основам религиозных обрядов служили некоторые публикации издательства «Иман».

¹⁶⁵ См.: Россия ислам университеты хәбәрчесе. – Вестник Российского исламского университета. – 2006. – №1 (2).

¹⁶⁶ Суфизм как социокультурное явление в Российской умме. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 21 ноября 2006 г.). – Нижний Новгород, 2007.

¹⁶⁷ Батыр Р.Г. Әбү-Хәнифәнен тормышы һәм мирасы. Казан, 2008.

¹⁶⁸ Әбү-Хәмид Мохәммәд әл-Газали әт-Туси. Кимийә-йи сәғәдәт (Бәхет эликсиры). [Текст переведен на татарский язык Г.Р.Латыповой]. – Казан, 2008.

¹⁶⁹ Шагабиев Д. Татарская богословско-философская мысль (XIX – нач. XX вв.). – Казань, 2008.

¹⁷⁰ Минбар. Вып.1. – Казань, 2008.

¹⁷¹ Frank A.J. Islamic Historiography and «Bulgar» Identity among the Tatar and Bashkirs of Russia. – Leiden – Boston, 1998.

¹⁷² Kemper Michael. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. – Berlin, 1998.

¹⁷³ Франк А.Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. – Казань, 2008; *Кемпер Михаэль*. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортстане. Исламский дискурс под русским господством. – Казань, 2008.

¹⁷⁴ В настоящее время готовится перевод следующей монографии: DeWeese Devin. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.

¹⁷⁵ В этом плане Институтом уже сделан небольшой робкий шаг вперед, например, в сборнике из предполагаемого ежегодника «История и культура Улуса Джучи» опубликованы извлечения из книги Бертольда Шпулера «Золотая Орда в России»: *Шпулер Б.* Золотая Орда. Традиции изучения и современность // История и культура Улуса Джучи. 2006. – Казань. 2007. – С.25–59.

¹⁷⁶ В обзоре учет востоковедческой литературы, опубликованной в Казани, ограничивается началом 2009 г.

¹⁷⁷ Статья «О судьбе Казанского востоковедения», написанная по предложению зарубежных коллег, опубликована: Mirkasym A. Usmanov. Oriental studies in Twentieth-Century Tatarstan, in: *Integrating Soviet Oriental Studies*. Ed. by Michael Kemper and Stephan Conermann. (Uondan: Routledge: Central Asian Series. 2010, forthcoming); турецкий перевод статьи (M.Usmanov. Kazan şarkiyatçılığının kaderi (xx yüzyıl). Tarih Yilliqı, cilt 2) находится в производстве. – *Ред.*